

— Идеального убийства не бывает, — сказал Том Ривзу. — Это всего лишь досужий вымысел. Чтобы все просчитать, нужен талант. Ты, конечно, скажешь, что на свете полно нераскрытых убийств. Но это уже совсем другое.

Тóму было скучно. Он вышагивал перед высоким камином, в котором потрескивал небольшой, но уютный огонь. Том чувствовал, что говорит занудливым, назидательным тоном. Но дело в том, что помочь Ривзу он не мог, о чем уже сказал ему.

— Ну да, конечно, — произнес Ривз.

Он сидел в одном из обитых желтым шелком кресел, подавшись всем своим худощавым телом вперед и зажав руки между коленями. У него было костлявое лицо, короткие светлые волосы, холодные серые глаза — лицо не очень-то приятное, но и оно могло быть симпатичнее, не будь на нем шрама, протянувшегося по всей щеке дюймов на пять от правого виска почти до самого рта. Шрам был чуть розовее, чем кожа на лице, и, казалось, был плохо обработан, а может, швы и вовсе не накладывали. Том никогда не спрашивал про этот

шрам, но Ривз сам как-то разоткровенничался: «Одна девица ударила меня пудреницей. Представляешь?» (Том не мог себе такого представить.) Ривз в тот раз невесело улыбнулся, но улыбка тотчас сошла с его лица; Том нечасто видел, чтобы Ривз улыбался. А в другой раз Ривз сказал: «Это я с лошади упал. Она волочила меня за стремя несколько ярдов». Ривз говорил это кому-то другому, но Том оказался рядом. Том решил, что шрам, скорее всего, остался после удара тупым ножом в какой-нибудь горячей потасовке.

Теперь Ривз хотел, чтобы Том присоветовал ему кого-нибудь, подыскал кого-то, кто мог бы совершить одно, а может, и два «простых убийства», а попутно еще украл кое-что — дело тоже безопасное и простое. Ривз приехал из Гамбурга в Вильперс для разговора с Томом. Он собирался остаться на ночь и на завтра отправиться в Париж, чтобы еще с кем-то переговорить об этом же деле, а потом — вернуться к себе домой в Гамбург, наверное, затем, чтобы в случае неудачи все хорошенько еще раз обдумать. Ривз начинал как скупщик краденого, но в последнее время имел свой интерес в незаконном игорном бизнесе Гамбурга и намеревался его защищать. От кого? От итальянских акул, которые хотели в него внедриться. Ривзу казалось, что один итальянец был рядовым членом мафии, его заслали в Гамбург шпионить, а еще один его соотечественник мог быть

из другого клана. Устранив одного пришельца, а то и обоих, Ривз надеялся пресечь дальнейшие поползновения мафии, а заодно и привлечь к ней внимание полиции. Пусть они ею займутся и вышвырнут вон.

— Эти гамбургские парни — народ вполне приличный, — убежденно говорил Ривз. — Может, то, чем они занимаются, и незаконно, может, они и не имеют права держать пару-другую частных казино, но их клубы легальны, да и доходы у них не баснословные. Это вам не Лас-Вегас, который весь пропитан мафией, да еще прямо под носом у американских копов!

Том взял кочергу и собрал в кучу головешки, а сверху положил треть аккуратно расколотого полена. Уже вечер, почти шесть часов. Скоро можно и выпить. Впрочем, почему не сейчас?

— Не желаешь...

В дверях гостиной появилась мадам Аннет, экономка Рипли.

— Простите, господа. Мсье Том, не хотите ли выпить, раз уж этот господин отказался от чая?

— Да, спасибо, мадам Аннет. Я и сам об этом подумал. И попросите мадам Элоизу составить нам компанию, хорошо?

Тому хотелось, чтобы Элоиза немного смягчила обстановку. Прежде чем отправиться в аэропорт Орли, чтобы встретить Ривза в три часа дня, он сказал Элоизе, что Ривз хочет с ним

кое о чем переговорить, и она, делая вид, что работает в саду, то спускалась вниз, то поднималась к себе.

— Подумай, — точно спохватившись, произнес Ривз с надеждой в голосе, — может, сам возьмешься? Ты ничем не связан, а это как раз то, что нам нужно. Безопасность прежде всего. Да и деньги — девяносто шесть тысяч баксов — совсем неплохо.

Том покачал головой:

— Я связан с *тобой*... некоторым образом.

Да, черт побери, он и без того уже кое-что делал для Ривза, например переправлял по почте кое-какие ворованные вещицы. Или доставал из тюбиков с зубной пастой крошечные предметы вроде рулончиков с микрофильмами, которые туда засовывал Ривз, да так, чтобы курьеры, доставлявшие пасту, ни о чем не догадались.

— Насколько, по-твоему, меня хватит, если я втянусь в это темное дело? Сам знаешь, я ведь и о своей репутации должен подумать.

Том чувствовал, как это смешно звучит, и в то же время сердце у него радостно забилося при мысли о том, как твердо он стоит на ногах, в каком хорошем доме живет, как безопасно себя чувствует, а ведь после истории с Дерваттом прошло всего полгода. Тогда все едва не кончилось катастрофой, но он практически остался вне подозрений. Да, приходится иногда ходить по тонкому льду, но лед пока

не треснул. В сопровождении английского инспектора Уэбстера и пары медэкспертов Том ездил в Зальцбург. В тамошнем лесу он сжег тело человека. Предполагалось, что это труп художника Дерватта. «Зачем вы раскроили ему череп?» — спросил у него полицейский. Вспоминая об этом, Том всякий раз вздрагивал. А сделал он это потому, что хотел выбить передние зубы, чтобы спрятать где-нибудь. Нижняя челюсть отделилась легко, и Том закопал ее неподалеку. Но верхняя... один из медэкспертов подобрал несколько зубов, однако в Лондоне ни один стоматолог не имел дела с зубами Дерватта, потому что предыдущие шесть лет Дерватт (как полагали) жил в Мексике. «Это лишь часть замысла, — ответил тогда Том, — мне хотелось, чтобы он сгорел целиком». Но тот, кого сожгли, был Бернардом. Том в который раз содрогнулся, вспомнив, как рисковал тогда, и еще раз ужаснулся своему поступку — ведь ему пришлось ударить большим камнем по обугленному черепу. Но Бернарда он не убивал. Бернард Тафтс покончил с собой.

— Ты и сам найдешь среди своих знакомых того, кто смог бы это сделать, — сказал Том.

— Да, но это будет означать связь — даже большую, чем с тобой. Все, кого я знаю, засвечены в полиции, — произнес Ривз уныло, постепенно сдаваясь. — У тебя ведь много знакомых, Том, вполне приличных людей, вне подозрений.

Том рассмеялся:

— И как же их заставить пойти на такое? Мне иногда кажется, Ривз, что у тебя не все дома.

— Да ты послушай! Ты ведь понимаешь, что я имею в виду. Нужен человек, который пошел бы на это из-за денег, только из-за денег. Ему не обязательно быть специалистом. Мы сами все устроим. Это будет как бы... убийство по политическим мотивам. Если на него падет подозрение, он должен совершенно не походить на человека, который способен на такое.

Вошла мадам Аннет, толкая перед собой сервировочный столик. Блеснуло серебряное ведерко для льда. Столик слегка поскрипывал. Том уже несколько недель собирался смазать колесики. Он мог бы и дальше перекидываться фразами с Ривзом, ведь мадам Аннет, слава богу, не понимает английского, но Тому наскучил предмет разговора, и он был рад, что мадам Аннет их прервала. Экономке шел шестой десяток. Это была коренастая женщина с приятными чертами лица, родом из Нормандии — сокровище, а не прислуга. Том и представить не мог Бель-Омбр без нее.

Потом из сада пришла Элоиза, Ривз поднялся. На Элоизе были расклешенные хлопчатобумажные брюки в розово-красную полоску, причем на каждой полоске сверху вниз тянулись буквы LEVI. Длинные светлые волосы у нее были распущены. Том увидел огненный отблеск в ее волосах и подумал: «Какая чисто-

та в сравнении с тем, о чем мы тут говорим!» Впрочем, золотой блеск напомнил Тому о деньгах. Деньги ему, вообще-то, больше не нужны, даже если картины Дерватта, от продажи которых он получал проценты, перестанут приносить доход, потому лишь, что картин уже не будет. Том продолжал получать проценты от фирмы «Дерватт лимитед», и это будет продолжаться. Был еще скромный, но постоянно возрастающий доход от ценных бумаг Гринлифа, которые он унаследовал, собственноручно подделав завещание. Не говоря уже о щедром денежном содержании, поступавшем от отца Элоизы. Чего еще желать? Том ненавидел убийство, если только оно не было вызвано крайней необходимостью.

— Вы хорошо побеседовали? — спросила Элоиза по-английски и изящно откинулась на желтом диване.

— Да, спасибо, хорошо, — сказал Ривз.

Дальше беседа продолжалась на французском, потому что Элоиза была не совсем в ладах с английским. Ривз не очень хорошо знал французский, но кое-как справлялся, да и ни о чем важном они не говорили: сад, мягкая зима, которая, похоже, уже прошла, потому что наступил март и здесь уже распускались нарциссы. Том взял со столика небольшую бутылку и налил Элоизе шампанского.

— Как есть в Гамбурге? — отважилась Элоиза еще раз спросить по-английски, и Том заметил, что ей доставляет удовольствие наблю-

дать за тем, как Ривз пытается отделаться дежурной фразой на французском.

В Гамбурге тоже не холодно, и еще Ривз прибавил, что у него также есть сад. Его *«petite maison»*¹ находится на берегу Альстера, там кругом вода — то есть что-то вроде залива, где люди живут в своих домах в окружении садов и воды, а значит, кто хочет, имеет лодку.

Том знал, что Элоизе не нравится Ривз Мино — она не доверяла ему. Ривз был из тех, от кого Тому, по мнению Элоизы, лучше держаться подальше. Том с удовольствием подумал, как он честно вечером признается Элоизе, что отказался от предложения Ривза. Элоиза всегда прислушивалась к мнению отца. Ее отец, Жак Плиссон, миллионер, владелец известной фармацевтической фирмы, был сторонником Шарля де Голля, а это — основа респектабельности по-французски. Том его вообще не интересовал. «Отец не позволит брать больше!» — частенько предупреждала Элоиза Тома, но он-то знал, что ее больше волнует собственное спокойствие, чем зависимость от помощи отца. Если верить Элоизе, тот часто угрожал оставить ее без содержания. Раз в неделю, обычно по пятницам, она обедала у родителей в их доме в Шантлильи. Том знал, что если ее отец когда-нибудь прекратит оказывать ей помощь, то им в Бель-Омбр придется туго.

¹ Домик (фр.).

На обед были *médailles de bœuf*¹, перед которыми подали холодные артишоки с фирменным соусом мадам Аннет. Элоиза переоделась в простенькое светло-голубое платье. Том видел — она уже поняла, что Ривз не добился того, зачем приехал. Прежде чем все разошлись по комнатам, Том позаботился, чтобы у Ривза было все необходимое. Он спросил, в котором часу ему принести чай в комнату, — а может, кофе? Кофе, ответил Ривз, в восемь утра. Ривз занял комнату для гостей в левой половине дома, а значит, в его распоряжении оказалась ванная, которой обычно пользовалась Элоиза. Мадам Аннет уже успела перенести ее зубную щетку в ванную Тома, смежную с его комнатой.

— Я рада, что он завтра уезжает. Отчего он так нервничает? — спросила Элоиза, чистя зубы.

— Он всегда такой. — Том закрыл души, выйдя из-под него, обернулся большим желтым полотенцем. — Может, потому он такой худой.

Они говорили по-английски, потому что с ним Элоиза не стеснялась своего произношения.

— Как вы познакомились?

Том этого не помнил. Когда это было? Лет пять, а то и шесть назад. В Риме? Чьим приятелем был Ривз? Том слишком устал, чтобы

¹ Медальоны (тонкие кружки) из говядины (*фр.*).

вспоминать, да и не важно все это. У него было пять-шесть таких знакомых, и, как бы его ни расспрашивали, он не смог бы сказать, где познакомился с ними.

— Что ему от тебя нужно?

Том обнял Элоизу за талию, тесно прижался к ее телу, прикрытому ночной рубашкой, и поцеловал в холодную щеку.

— Нечто невозможное. Я сказал «нет». Ты же это поняла. Потому он и расстроен.

Ночью одинокая сова кричала где-то в сосновом лесу за их домом. Просунув левую руку под шею Элоизы, Том лежал и думал. Она тотчас уснула и задышала медленно и ровно. Вздохнув, Том продолжал размышлять, но мысли его были сумбурными. Вторая чашка кофе отогнала сон. Он вспомнил, как с месяц назад попал на вечеринку в Фонтенбло. Тогда в неформальной обстановке отмечали день рождения мадам... как же ее звали? Том попытался вспомнить фамилию ее мужа, именно он его и заинтересовал — английская фамилия, кажется. Ему было тридцать с небольшим, у них был маленький сын. Дом их выглядел внешне заурядным — трехэтажный особняк на богатой улице в Фонтенбло, с садиком позади. Хозяин дома занимался изготовлением рам для картин, поэтому Пьер Готье, который держал магазин художественных принадлежностей на улице Гранд, где Том покупал краски и кисти, и затащил туда Тома. Готье тогда сказал: «Месье Рипли, идемте со мной. И жену с собой возь-

мите! Ему хочется, чтобы было много гостей! Последнее время он не в своей тарелке... И потом, раз уж он изготавливает рамы, может, и вы сделаете ему заказ».

Том заморгал в темноте и чуть повернул голову, чтобы не задеть ресницами плечо Элоизы. Высокого светловолосого англичанина он вспомнил с некоторой обидой и неприязнью, потому что на кухне, в мрачном помещении с истрепанным линолеумом и жестяным потолком в разводах копоти с рельефным узором девятнадцатого века, тот сделал Тому неприятное замечание. Трюбридж... Тьюксбери... произнес чуть ли не с издевкой: «Как же, как же, я о вас слышал». Том сказал тогда: «Меня зовут Том Рипли. Я живу в Вильперсе», после чего собрался было спросить его, давно ли он живет в Фонтенбло, рассчитывая, что англичанин, женатый на француженке, быть может, захочет познакомиться с американцем и его женой-француженкой, живущими неподалеку, но его доброе намерение натолкнулось на грубость. Тревани? Кажется, так его зовут? Блондин, с прямыми волосами, похож на датчанина, но англичане часто бывают похожи на датчан, и наоборот.

Впрочем, теперь Том вспомнил, что Готье сказал позднее в тот же вечер: «Он просто не в себе. Он и не собирался грубить. У него болезнь крови — лейкемия, кажется. Довольно серьезно. Да ты и сам видишь, что дела у него идут не очень хорошо, — посмотри, как он живет».

У Готье был стеклянный глаз необычного желто-зеленого цвета — он выбрал этот цвет, скорее всего, потому, что таким же был его настоящий глаз, но затея не удалась. Искусственный глаз Готье походил на глаз мертвого кота. Как ни старайся не смотреть, взгляд все равно невольно в него упирался. Мрачные слова Готье в сочетании с его стеклянным глазом произвели тогда на Тома сильное впечатление. Будто сама смерть посмотрела на него.

Как же, как же, я о вас слышал. Означает ли это, что Тревани, или как там его, подозревал Тома в смерти Бернарда Тафтса, а до этого и в смерти Дикки Гринлифа? Или же англичанин настроен против всех из-за своей болезни? Точно так ведет себя человек, страдающий расстройством желудка. Том вспомнил жену Тревани — женщина некрасивая, но интересная, с каштановыми волосами, дружелюбная и внимательная. Она делала все, чтобы гостям было хорошо и в гостиной, и на кухне, где не всем нашлось место из-за недостатка стульев.

Том размышлял вот о чем: возьмется ли этот человек за работу, которую предлагает Ривз? Том нашел интересный подход к Тревани. Такой подход сработает с любым, надо лишь подготовить почву, а в данном случае почва уже подготовлена. Тревани серьезно тревожился за свое здоровье. Тому пришлось в голову сыграть с ним одну шутку, не очень-то хорошую, но ведь и тот не очень-то хорошо обошелся с Томом. Все это продлится день-другой, не боль-

ИГРА МИСТЕРА РИПЛИ

ше, пока Треванни не посоветуется со своим врачом.

Тóму стало весело от собственных мыслей. Он отодвинулся от Элоизы, боясь, как бы она не проснулась, если его вдруг разберет смех. А что, если Треванни попадетя и выполнит план Ривза как солдат, точно и четко? Стоит попробовать? Да, потому что Тому нечего терять. Как и Треванни. Треванни может даже кое-что приобрести. Да и Ривз тоже — если верить Ривзу, но пусть об этом заботится он сам, поскольку то, что Ривзу нужно, Тому так же непонятно, как и его проделки с микрофильмами, а там дело пахнет международным шпионажем. Знают ли правительства, под какими личинами скрываются некоторые из их шпионов? Или те безрассудные, полубезумные люди, порхающие между Бухарестом, Москвой и Вашингтоном с пистолетами и микрофильмами, — люди, которые, быть может, с немалым энтузиазмом ввязываются в международные конфликты между коллекционерами почтовых марок или любителями детской железной дороги?

Десять дней спустя, 22 марта, Джонатан Треванни, живший на улице Сен-Мерри в Фонтенбло, получил любопытное письмо от своего доброго знакомого Алана Макнира. Алан, представитель одной английской электронной фирмы в Париже, написал письмо как раз перед тем, как отправился в Нью-Йорк по делам, и, как это ни странно, на следующий день после того, как побывал у четы Треванни в Фонтенбло. Джонатан подумал было — а впрочем, ничего он не подумал, — что Алан хочет поблагодарить его и Симону за прощальную вечеринку, которую они устроили в его честь. Алан и правда написал несколько слов благодарности, но следующий пассаж озадачил Джонатана:

«Джон, меня повергло в шок то, что я узнал о твоей старой болезни крови, но все же надеюсь, что это не слишком серьезно. Мне говорили, что ты все знаешь, но ничего никому не говоришь. Это очень благородно с твоей стороны, но для чего же тогда друзья? Мы тебя не оставим — это и в голову не бери, — и не думай, что мы станем избегать тебя из-за твоей меланхолии. Твои друзья (а я один из них) здесь —

и будут с тобой всегда. Но написать обо всем, что мне бы хотелось сказать, не могу, поверь. Лучше выскажусь, когда мы увидимся в следующий раз, месяца через два, когда получу отпуск. Поэтому прости, если эти слова придутся некстати».

О чем это он? Уж не сообщил ли доктор Перье его *друзьям* что-то такое, чего не сказал ему?.. Например, что он долго не протянет? Доктор Перье не был на вечеринке в честь Алана, но не разговаривал ли доктор Перье с кем-нибудь еще?

Может быть, доктор Перье беседовал с Симоной? А Симона это утаивает?

Джонатан стоял в саду в полдевятого утра, обдумывая все эти варианты. Его знобило, хотя он надел свитер. Пальцы были перепачканы землей. Надо бы сегодня же переговорить с доктором Перье. От Симоны ничего не добьешься. Еще сцену устроит. *Дорогой, о чем это ты?* Джонатану всегда было трудно понять, когда она устраивает сцену.

А доктор Перье — можно ли ему доверять? Доктор Перье всегда излучал оптимизм. Хорошо, когда болезнь несерьезная, — в таком случае чувствуешь себя на пятьдесят процентов лучше, одного этого бывает достаточно, чтобы поправиться. Но Джонатан знал, что болен серьезно. У него был миелолейкоз, для которого характерно повышенное содержание лейкоцитов в костном мозге. За последние пять лет ему не меньше четырех раз делали перелива-